

**ЯЗЫК МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОЦЕССЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕАРХАИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

Статья посвящена анализу языка современной массовой информации с целью выявления новых тенденций в вербальной культуре бурят. Отмечено, что в языке СМИ идет активный процесс обновления общественно-политической лексики, возврата лексики духовной культуры в разряд активной.

Ключевые слова: язык СМИ; лексическая деархаизация; общественно-политическая лексика.

Badmaeva Larisa Batoevna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**THE LANGUAGE OF MASS MEDIA: PROCESSES OF LEXICAL DEARCHAIZATION
IN THE MODERN BURYAT LANGUAGE**

The author analyses the language of modern mass information in order to identify new trends in the verbal culture of the Buryats. The language of the media is characterized by active process of updating the socio-political vocabulary, returning of the lexica of spiritual culture in active using.

Keywords: language of the mass media; lexical dearchaization; socio-political vocabulary.

Ученые отмечают, что новая социальная ситуация – рост национального самосознания, развитие всестороннего сотрудничества со странами, принадлежащими к общему культурно-историческому ареалу, обращение к национальному духовному наследию и историческому прошлому – способствуют позитивному языковому и культурному развитию народов РФ. Как известно, словарь каждой эпохи отражает не только реалии эпохи, но и ее идеологию. Перемены во всех областях жизни, перестройка структур культурной, социально-политической жизни стали ключевыми в постсоветском пространстве. В этот период в современном бурятском языке произошли кардинальные изменения, среди которых процессы лексической деархаизации и возвращения в активный речевой обиход массива устаревших слов из фонда старописьменного монгольского языка. Подобные процессы произошли и в русском литературном языке [Шмелькова, 2007, с. 80–83].

Так, в наше время нейтральными и вполне современными стали отдельные единицы административно-политической лексики, бывшие актуальными до революции 1917 г.: *губернатор, губернии, дума, хурал, сенат, сенатор, гулваа* (рус. *голова, глава* > совр. лит. бур. *гулваа* ‘глава администрации’): *Могойтын районной гулваа С. Б. Мажиев ерээ* ‘Прибыл глава администрации Могойтуйского района С. Б. Мажиев’; *эмхи зургаан* ‘учреждение, организация’: *Россиин эрдэмэй академин эмхи зургаан* ‘Учреждение Российской академии наук’, *яаманай сайд* ‘министр’ – *Буряад Уласай соёлой яаманай сайд* ‘министр культуры Республики Бурятия’, *сомон* ‘административная единица, соответствующая сельсовету’ и др.

В связи с изменением формата духовных ценностей и нравственных ориентиров в современном бурятском литературном языке, особенно в языке средств массовой информации, стали чаще использоваться такие формы, как старые модели порядковых числительных: *XIV-дугаар Далай-лама* ‘Далай-лама XIV-й’, составные глагольные лексемы: *буян үйлэдэхэ* ‘совершать добродетели’, *хандиб үргэхэ* ‘вносить пожертвование’, *үргэл хэхэ* ‘совершать обряд пожертвования’, *угаа хүндэлхэ*

‘совершать обряд почитания предков рода’, *обоо тахи-ха* ‘проводить религиозный обряд на обоне’ и др.

Стали активно употребляться слова из высокого стиля [Бадмаева, 2012, с. 192–193]: п.-монг. *barayalqaqu*, совр. бур. *бараалхаха* ‘быть на приеме, получать аудиенцию’: *Баатар саган хаанише бараалхаха ёһотойбди* ‘Мы должны представиться Батору-Белому царю’ [Б. Санжин, Б. Дандарон]; п.-монг. *morilaqu*, совр. бур. *морилхо* ‘соизволить, пожаловать; прибывать (о высоком госте)’, п.-монг. *nögčikiü*, (совр. бур.) *нүгшэхэ* ‘скончаться (о высоких лицах)’; п.-монг. *aramnailaqu*, совр. бур. *арамнайла* ‘освятить, освящать’, *даган* ‘следующий’ < *дагау* ‘следовать за кем-чем-л.; сопутствовать кому-л.’: *Бидэ, буддын шажантан, Этигэлов Хамба ламатаяа суг Бурхан Багшын хургаал даган ябанабди* [Буряад Үнэн, 2015, 18 февр., с. 1] и др.

С возрождением духовной культуры в современном обществе в бурятском литературном языке стали широко употребляться архаичные слова из лексики старописьменного монгольского языка: *сансара* ‘материальный мир’, *оршолон* ‘бренный мир’, *галаб* ‘эра, эпоха, период’, *дид* ‘вице-’: *дидхамба* ‘заместитель хамбо-ламы’, *субарга* ‘ступа’, *бойнуур* ‘курильница для благовоний’, *ганжар* ‘украшение в виде золоченого шарика на дацанах’: *Ушар шимэхэ Найдан дооромбо лама «Саг хатуу болобо, саг түрэ хубилба, сүмэ барижэ, бэнише харадаагуйһаа, сүмын ганжарынь Агадах арагдаха юм бэд даа» гэжэ бодоод, Лойлон мандалда зорюулһан дасан Хүлэн-Буурта бодхоохо гэжэ шийдээ* [Буряад Үнэн, 2015, 18 марта, с. 23]; *дүгжүүбэ* ‘буддийский обряд очищения огнем’, *далга* ‘жертвенная снедь’, *жанша* ‘шелковая обертка для священных книг’, *Лойлон // Лойлонг* – святыня Дуйнхор храма – буддийский «дворец, обитель божества», в стиле дворцов индийских царей [Шагдаров, 2006, с. 518]: *Лойлон хадаа Дуйнхор бурханай ордон байрань, буддын шажанай аргагүй ехэ нангин шүтөөн гээшэ* [Буряад Үнэн, 2015, 18 марта, с. 23]; *мандал* ‘алтарь’, *жиндагууд* ‘прихожане’, *хадаг* ‘сложенное вдвое шелковое полотнище, которое подносится как приветственный дар почетным гостям’, *хиш морин* ‘конь удачи – флажок с изображением всадника

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

на коне, олицетворяющий мощь, энергетическую силу духа человека», *шэрээтэ* ‘кафедральный или престольный лама’, *убдис* ‘чары, волшебство, магия, колдовство’: «*Маанишн убдистай* арюун сэдхэлээрээ, Түрэлхишн сэсэн оюун ухаагаараа Түбхэндэ намайе гайхуулдаг бэлэй» [Гуруев, 2017]. Более того, даже стали использоваться некоторые архаичные послелогии, например, *үмэнэ* ‘перед’: *Тон түрүүн арадайнгаа үмэнэ* *экономическа болон социальна үрээ дүнгүүдэй түлөө Правительство бодото харюусалгатай байха хэрэгтэй*” [Буряад Үнэн, 2001, 19 апреля, с. 5].

Современный мир характеризуется возрождением забытых национальных традиций, обычаев, игр. В наше время стало традицией, когда молодые семьи устраивают детям *милаан(е)* ‘день рождения, при достижении ребенка одного года, причем раньше справляли только один раз в жизни’ [Черемисов, 1951, с. 314]. В дни празднования Сагаалгана, который отмечается уже 25 год со дня возрождения, стали проводиться забытые национальные игры *Һээр шаалгын мурьсөөн* – состязания по переламыванию хребтовой кости крупного рогатого скота, *Шагай наадан* – игра в лодыжки или альчики, *Ёрхо харбалган* – стрельба по лодыжкам (*ёрхо* // *жорхо* ‘небольшая костяная стрела при игре в лодыжки длиной в 20 см, шириной в 1 см’) [Бабуев, 2004, с. 89]: *Уни сагта мартагдахан ёрхо харбалган, шагай наадан үнгэрэгдөө һэн* [Буряад Үнэн, 2015, 18 февр., с. 11].

В настоящее время работы, проведенные по реализации государственной программы о языках народов Республики Бурятия, определившей пути повышения статуса бурятского языка как государственного, привели к расширению сферы функционирования бурятского языка. В свою очередь, это активизировало работу над корпусом ключевых единиц общественно-политической лексики в языке бурятских СМИ, который характеризуется восстановлением собственной лексики и отходом от излишних заимствований. Так, многие лексические заимствования из русского языка заменены исконными терминами: *вм. министерство – яаман; вм. республика – улас; вм. корреспондент – сурбалжалагша; вм. журнал – сэтгүүл; вм. экономико – эдэй засаг; вм. сельсовет – сомон. Тэрэ сомоной даргаар табан жэлэй сана Заята Золтоевич Цыдытов хунгагдахан* [Буряад Үнэн, 2018, 4 апр., с. 3]; *вм. президент – юрэнхылэгши: Буряад Уласай Толгойлогшо Алексей Цыденов уласай ажалуугшадта Ородой Холбоото Уласай Юрэнхылэгшийн хунгалтада эдэбхитэйгээр хабаадаһанда баяр хүргэбэ* [Буряад Үнэн, 2018, 21 марта, с. 2]; *вм. губернатор – амбан захирагша: 2005 ондо гүрэнэй Юрэнхылэгшиэ Владимир Путин амбан захирагша Аман Тулеевэй бүрин эрхыень 2010 он болотор утадхаһан юм* [Буряад Үнэн, 2018, 4 апр., с. 7] и др.

На современном этапе в условиях возрождения национальной культуры, языка, традиций и обычаев народов России чрезвычайно важной и актуальной проблемой является создание различных словарей, справочников, учебников, учебных пособий, фоно- и видеоматериалов на национальных языках. В этом плане большую ценность представляет вышедший в свет «Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь» в двух томах, созданный трудами Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова [БРС, 2006; 2008]. Состав словаря существенно пополнился многими словами и выражениями традиционного лексикона, которые в условиях социалистической строя, массового распространения двуязычия отошли в пассивный запас словаря.

К ним относятся религиозная терминология – буддийская и шаманская (*архад, ариман, бинвад, балин, бодиза, бодгали, гуштаг, дабжад, дагриг, дамшаг, дарсаг, дамжай, догбо, муни, мэнзэ; дамбарза, жэлэй хаялга, зайбарид, залма, лхантаб* и др.); термины, связанные с традиционными обрядами и обычаями (*басага зайлгалга, далга абхуулга, алтан һабынь татуулга, ластии тудала* ‘попадание в центральную мишень при стрельбе из лука’ и др.); названия традиционной бурятской одежды, обуви, их частей (*һамган дэгэл, басаган дэгэл, һомон дэгэл* ‘гладкая прямая шуба’, *һарьмай дэгэл* ‘летний халат, сшитый из замши’ и др.) и т.д. Многие понятия в настоящее время неизвестны большинству современных бурят, поэтому очень важно то, что каждое из таких названий сопровождается пояснениями на бурятском языке, иногда и на русском, т.е. словарь содержит элементы толкового и энциклопедического словарей. Следует отметить, что в новый дополненный «Бурятско-русский словарь» Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова включены, прежде всего, слова и выражения, востребованные современной действительностью.

Лексика, подвергнутая процессу деархаизации, относится, в основном, к лексико-семантическим группам «Идеология», «Религия, верования», «Национальные традиции, обычаи, игры». Лексическая деархаизация отличается от употребления архаизмов в различных текстах нашего времени тем, что вернувшееся в употребление слово достаточно быстро теряет экспрессивную окраску и временную отмеченность, хотя обозначает похожую, но другую реалию. Реалия попадает в иную культурную ситуацию, а слово – в новый контекст. Важно отметить, что культура каждого народа индивидуальна, она и «определяет свою парадигму того, что следует помнить ..., а что подлежит забвению» [Лотман, 1992, с. 201]. Таким образом, лексика, возвратившаяся в активное употребление в результате деархаизации, некогда сознательно отодвинутая в пассивный запас, вновь обретает свое место в языке СМИ на современном бурятском языке.

Литература

- Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 295 с.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992–1993.
- Черемисов К. М. Буряад-монгол-ород словарь / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 848 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с.
- Шмелькова В. В. О лексической деархаизации в современном русском литературном языке // Вестник Российского университета дружбы народов. 2007. № 4. С. 80–83.
- Бабуев С. Д., Бальжинимаева Ц. Ц. Буряад зоной урданай һуудал байдалай тайлбари толи. Улаан-Үдэ: Бэлиг, 2004. 352 х.
- Гуруев Ч. Сагай амисхал. Улаан-Үдэ, 2017. (рукопись).
- Санжин Б., Дандарон Б. Заяанай зам. Улаан-Үдэ: Буряадай гүрэнэй номой хэблэл, 1966.